

ПОБЕДЫ СОРОК ПЕРВОГО

Самый, быть может, недоуменный и горький вопрос, возникающий у новых наших поколений относительно начала Великой Отечественной войны, — один: как так получилось, что наши деды, государство наше не смогли сразу дать достойный отпор захватчикам? Ведь и по численности живой силы и техники у фашистских войск не было особого преимущества, а в некоторых видах вооружений мы по количеству даже превосходили их? Почему так удачно для завоевателей сложился фактор внезапности, когда, казалось бы, неизбежность войны была явной, о том говорили и многие донесения и разведки советской, и даже от перебежчиков?

Сначала о внезапности, которой вроде бы не должно было быть. Сталинское руководство всячески пыталось оттянуть начало военных действий, не дать ни малейшего повода для конфликта на границе. Ведь именно с немецкой провокации началось их нападение на Польшу, и очень важно было «дотянуть» состояние мира до осени, до распутицы: этим бы выигрывался ещё целый мирный год, крайне необходимый для перевооружения нашей армии. Поступающие разведанные были к тому же достаточно хаотичные, не вызывающие сколько-нибудь пол-

ного доверия из-за возможного провоцирования, тем более, что начало войны переносилось немецким командованием два раза. И очень важно было не оказаться агрессором, просто даже объявив мобилизацию: и немецкая, и западная в целом пропаганда тотчас же воспользовалась бы этим, раструбила о равной, как самое малое, ответственности за развязывание войны. В похожей ситуации Рузвельт даже пожертвовал флотом в Пёрл-Харборе, хотя прекрасно осведомлён был о намерениях и действиях японской стороны.

Вот о состоянии Красной Армии к тому времени надо судить трезво. Она была, по сути дела, ещё полуреволюционная, со слабой исполнительной дисциплиной, без массового боевого опыта, и финская война показала это с исчерпывающей ясностью, потери в ней были несоизмеримы: 150 тысяч человек с советской и около 20 тысяч с финской, сказала и отлично укреплённая линия Маннергейма... Немецкая же армия сложилась как боевой организм ещё до Первой мировой, и кайзеровская она, рейхсвер или вермахт — разницы особой не было, традиция там одна, прусская. А из царской армии Красную не слепишь, тут пришлось всё создавать заново, на иных совсем принципах и

началах, в постреволюционной спешке, в грандиозной перекройке всей жизни страны, и новым традициям, новому оперативному и стратегическому мастерству в ней надо было ещё созреть.

Вопреки либеральному агитпропу 1990-х годов, из 400-тысячного офицерского корпуса Красной Армии тогда было репрессировано всего около 4 процентов. Зато с высшим военным образованием в нём служило лишь 7,1 процента, со средним — 56 процентов, прошли ускоренные курсы 24 процента состава. Красная Армия быстро росла, очень не хватало командиров на все виды подразделений, а с боевым опытом и вовсе. Лёгких танков было много (наследие Тухачевского), работали большинство из них на авиационном бензине, потому и горели так; к тому же и пробег их без ремонта составлял всего около 1 000 километров, тогда как у немецких — 12 000 километров... С авиацией было не лучше, в массе устаревшая, она была не в состоянии противостать немецкой. Вдобавок и танки, и самолёты частью были неисправны, без необходимых запасов горючего и боекомплектов, да и в большинстве своём выбиты в первые же недели войны, оставив без прикрытия матушку-пехоту... Без радиосвязи практически, с находящимися в реконструкции и сооружении линиями обороны, аэродромами, складами матчасти, с порушенными на оперативную глубину

планами обороны, с крестьянским и большей частью необстрелянным солдатским составом, эта армия была обречена на поражение. Не хватило времени, самих исторических условий, нового боевого опыта для её полноценного формирования и обучения, несмотря на огромные усилия по её подготовке.

На неё напала давно отмобилизованная, хорошо вооружённая на самом современном тогда уровне армия с отработанными новейшими приемами оперативно-тактической борьбы, с вышколенным в военной науке командованием — лучшая военная машина в мире. Либеральные мифы до сего дня утверждают о равенстве сил якобы в первоначальный момент войны, а его не было: более 100 немецких и союзнических дивизий встретили, вступив в бои, всего около 40 наших дивизий, остальные находились в двухстах и более километрах во втором-третьем эшелонах, подтягивались медленно при слабой моторизованности пехоты, и немцы поочерёдно громили подходящие резервы, всё время оставаясь в численном двух-трёхкратном превосходстве, а в воздухе и вовсе подавляющем. Стремительные танковые клинья немцев и их союзников дробили, рвали фронт на части, образовывая «котлы», не давая нашему командованию собрать войска в кулак и отбить нападение. Положение на фронте становилось катастрофическим...

Тут нужно так же трезво оценить принятые тогда сталинским руководством решения — труднейшие, страшно тяжёлые, но единственно верные, которыми решалась вся судьба страны: быть ей или не быть вообще... И здесь надо учесть, в первую очередь, что большая часть тяжёлой и машиностроительной, то есть оборонной, промышленности находилась в европейской части СССР. И надо было успеть вывезти её на восток, на Урал и в Сибирь, иначе шансов на победу, пусть нескорую, отдалённую годами тяжелейших сражений и трудов, попросту не оставалось никаких, без танков, самолётов и артиллерии немца, на которого работала вся Европа, не сдерживать, не побить... А то, что вся она (за исключением Югославии и Британии) не только усиленно вооружала вермахт, но и воевала против нас, составляя пятую часть гитлеровских войск, хорошо известно.

Этим решением, по сути, первоначальная Красная Армия отдавалась в жертву: приказывалось стоять до конца, насмерть, несмотря на прорывы и окружения, изматывать врага, задерживать его сколько можно, пренебрегая порой правилами манёвренной войны, вольно и невольно подставляясь под его удары и те же окружения, как тот же командующий Кирпонос под Киевом. Примеров этого «стояния на рубеже» сотни, если не тысячи — но причина его, к

сожалению и удивлению, как-то упускается большинством наших историков (о зарубежных тут и вовсе говорить не приходится), а если и упоминается, то вроде как вскользь, а между тем она — главная. Выиграть месяц-другой-третий, успеть поставить на железнодорожные и прочие колёса тысячи заводов, фабрик, различных (и порой единственных, уникальных) предприятий вместе с рабочими и спецами, с семьями, каким-никаким имуществом — и на восток, порой на пустыри, в наспех вырытые землянки... Не успели, например, вывезти Шосткинский пороховой завод с Украины — и снаряжённый на многие месяцы голод на фронтах, очередные поражения.

Труд этот иначе как подвижничеством, причём массовым, и не назовёшь; и если бы не добровольное желание-стремление самого народа к нему, то никакое НКВД не смогло бы заставить его напрягаться в сверхусилиях этого уникального, невиданного в мировой истории события-подвига, патриотического порыва. Но и без жёсткого целеустремлённого государственного руководства этого тоже бы не состоялось, здесь одно без другого было бы попросту невозможно. Тыл надрывался, всё было мобилизовано на решение этой труднейшей задачи, и она была выполнена.

Здесь достигалась двуединая цель и, как ни парадоксально это звучит, двуединая победа

сорок первого года — при военном, казалось бы, пусть не окончательном поражении. Жертвы Красной Армии, как ни горьки они, оказались не напрасны: домну не увезёшь, конечно, но большая часть станочного парка и самого необходимого оборудования были спасены. И вторая победа, сыгравшая тоже решающую роль, заключалась в том, что был сорван блицкриг, на который фашистским руководством делалась главная ставка. А именно, бить союзников антигитлеровской коалиции поочередно, разбить Советский Союз, пока на Западе длилась выжидательная «странная война» без сколько-нибудь значительных военных действий.

Мы сейчас даже представить себе не можем всего значения этого срыва блицкрига для немецкого именно агрессора. Для него во весь рост встал устрашающий призрак восемнадцатого года: неизбежная война на два фронта — изнурительная война ресурсов, в которой шансы на победу между противниками теперь уже уравнивались, а с течением времени, года-другого для Германии с сателлитами неизбежно тоже падали, ограничиваясь сравнительно невысокими мобилизационными возможно-

стями европейских стран: «кишка тонка», как мы выражаемся, да и мотивация очередного грабительского похода «дванадцати языков» не та. Степень государственной мобилизации всегда очень существенно сказывается на способностях ведения войны, а у России она всегда, во все времена была высока; достаточно сказать, что производство стали в 1940 году у нас составляло всего 19 миллионов тонн, а у одной Германии — 39 миллионов тонн, и, тем не менее, уже к 1944 году мы выпускали танков, артиллерии, самолётов и прочей военной техники больше, чем высокоиндустриальный враг.

Горькие и тяжелейшие победы сорок первого стали провозвестниками Великой Победы нашего народа. Но, перефразируя слова известной песни, «не помнит мир спасённый», что всем он обязан самоотверженному подвигу русского солдата. Самим своим существованием современная Западная и Центральная Европа целиком и полностью обязана СССР-России и находится перед ней в неоплатном, никаким «срокам давности» не подверженном долгу. Но историческая и, право же, гнусная неблагодарность Запада ещё обернётся для него неизбежным Божьим судом.

Пётр КРАСНОВ

Из выступления на Международных яснополянских писательских встречах